

Борис Титов

**РАССКАЗЫ
и ПОВЕСТИ**

Борис Александрович Титов

Рассказы и повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73126898

SelfPub; 2026

Аннотация

В сборнике представлены рассказы и повести, погружающие читателя в многогранный мир человеческих взаимоотношений. Через призму жизненных историй автор исследует ключевые аспекты психологической динамики между людьми: природу привязанности и отчуждения, механизмы взаимопонимания и конфликтов, тонкости коммуникации и скрытые мотивы поведения.

Каждый рассказ — это маленькая психологическая лаборатория, где герои сталкиваются с типичными и неординарными ситуациями. Сюжеты основаны на достоверных психологических паттернах, узнаваемых в повседневной жизни. Чтение рассказов и повестей стимулирует рефлекссию: читатель может увидеть параллели со своим опытом и найти ответы на личные вопросы.

Книга адресована людям, ищущим в художественной прозе пищу для размышлений о природе человеческих связей, о чести и достоинстве.

Борис Титов

Рассказы и повести

Б. А. Титов
РАССКАЗЫ

Мой дядя Федя

– Мы едем к дяде Феде! Мы едем к дяде Феде! – радостно вопил я, бегая по квартире.

– Я поеду к дяде Феде! Он танкист, там виноград, арбузы, ослики, – хвастался я перед своим дружкой Юркой.

Тем летом родители впервые взяли меня с собой в отпуск, который они собирались провести у маминого брата, жившего в Узбекистане.

Дорога с мелькающими в окне вагона картинками, гулом и сутолокой вокзалов привела меня в такой восторг, что, оказавшись мы в конце пути дома, всё равно ярких впечатлений хватило бы на всю жизнь. Я открыл для себя незнакомый доселе мир путешествий.

Как зачарованный смотрел я в окно, где мимо то и дело проплывали леса, реки, разноцветные поля и высоченные горы. С наступлением ночи зажигались огни и струйкой бежали вдоль состава. Чем дальше мы ехали, тем реже попадались большие дома и всё чаще встречались невзрачные ма-

занки. А потом строения и вовсе исчезли. Всё пространство заполняли волнистые дюны, и лишь вдали виднелись силуэты темно-коричневых гор. Огромные двугорбые верблюды лениво жевали колючку, провожая безразличным взглядом спешащие куда-то поезда.

На стоянках, перекрикивая друг друга, по перрону снова-ли шумные торговцы в разноцветных халатах.

– Беляши жирные, сочные, во рту тают! Налетай, покупай! – громогласно зазывал толстяк, расталкивая конкурентов.

– Манты, манты горячие! Чебуреки румяные! – призывно выкрикивал старик в лисьем меховом телпаке, надетом набекрень.

Воздух был пропитан ароматом восточных сладостей, спелых фруктов и пряных специй.

Поздно вечером поезд прибыл на станцию Красногвардейская, что в нескольких десятках километров от Самарканда. Мы вышли из вагона. Окруженная россыпью звезд, огромная луна раскаленным шаром нависла над нами, освещающая тусклым светом всё вокруг. Горячее дыхание южной ночи наполняло воздух запахом чабреца и полыни. Редкий стрекот цикад нарушал ночную тишину. Где-то вдалеке звонко лаяли собаки.

Подслеповатая лампа, одиноко висящая на столбе, высве-

чивала два силуэта. Мама бросилась к стоявшему в потоке света мужчине, крепко его обняла и расцеловала. Мы с папой подошли к ним, и я увидел, как уродлив был этот человек. Лицо его было обезображено ожогом. С одной стороны головы была густая шевелюра, а с другой свисали редкие волосинки. Вместо уха торчал отвратительный огрызок. Испугавшись, я прижался к отцу и вопросительно посмотрел на него.

– Это мамин брат дядя Федя, – спокойно сказал он и подтолкнул меня в их сторону, но я судорожно обхватил его ноги и испуганно пробормотал:

– Папа, я хочу домой...

Женщина, стоявшая рядом с мужчиной, нежно погладила маму по плечу и, поздоровавшись с отцом, присела передо мной на корточки, потрепала за вихры и с улыбкой сказала:

– Федя, ты погляди, у нас новый племяш появился, большой-то уже какой! Сколько тебе годков?

Насупившись, я ещё крепче вцепился в отца и молча разглядывал её исподлобья.

– Устал с дороги, вот и засмушался. Пять лет ему уже, – ответил за меня папа.

Дядя поздоровался с отцом и – о, ужас! – взял меня на руки. Его безобразное лицо оказалось рядом с моим, я страшно испугался, громко заревел и потянулся к маме. Она забрала меня и стала успокаивать.

Ситуацию разрядил папа:

– Пошли, Фёдор, покажешь нам свое хозяйство.

Мы вошли в дядин кабинет, и меня усадили в огромное кожаное кресло, где я тут же крепко заснул.

Дядя Федя с семьей жил в Смоленске. Когда началась война, он ушёл на фронт, а жену с тремя детьми эвакуировали в Узбекистан. Поезд, в котором они ехали, разбомбили немцы, и весь их скромный багаж сгорел. На небольшую железнодорожную станцию под Самаркандом они прибыли ни с чем.

Узбеки радушно приняли беженцев. Они открыли свои дома для пострадавших, делясь последними крохами и теплом своих душ. Узбекистан стал для переселенцев пристанищем, где, несмотря на трудные обстоятельства, они нашли поддержку и заботу.

После войны израненный дядя Федя приехал к семье, как он сам говорил, «умирать в теплых краях», да так все они здесь и остались. Вскоре его назначили начальником вокзала. Эта работа стала для дяди не только источником средств к существованию, но и возможностью вновь почувствовать себя нужным. Он понимал, что, несмотря на все испытания, жизнь продолжается.

Со временем семья освоилась на новом месте. Дом дяди Феди состоял из двух частей: старой, саманной, с земляным полом, где находились комната и кухня, и новой, деревянной, с двумя спальнями. К дому был пристроен сарай со мно-

жеством загонов, кладовкой и погребом. Особняком стояла баня, а в центре двора выделялся выложенный камнем колодец. Соседские участки отделялись высокой глинобитной стеной. Дом окружал великолепный сад с фантастически изогнутыми ветвями фруктовых деревьев, где зрели яблоки и груши, наливались соком персики и склонялись к земле тяжёлые плоды гранатов. Всюду царила таинственная атмосфера.

Нам выделили комнату младшей дочери, жившей в то время вместе с родителями, а её отправили ночевать в беседку.

– Я тоже хочу спать в беседке! – решительно заявил я.

– Чего это вдруг? – удивился отец.

А дело было в том, что мне так понравилась улыбчивая веснушчатая сестра Лена, что, не имея ни малейшего представления о новом месте ночлега, я просто хотел быть как можно ближе к ней.

– Да пускай спит там, вам же свободнее будет, – вмешалась тетя Оля.

Беседка была сплошь увита виноградом. Огромные зеленые, розовые и черные гроздья свисали со всех сторон. Большой матрас был набит пухом, разноцветные подушки украшали спальное место.

Изо дня в день я с нетерпением ждал ночи. Когда пышногрудая Лена ложилась в постель и, приглашая меня, откидывала одеяло, я резво запрыгивал туда и прижимался к ней. Кудрявые волосы, разбросанные по подушке, приятно щеко-

тали мое лицо. Лена крепко прижимала меня к себе, и я замирал от волнения, желая как можно дольше продлить это счастливое мгновение, но подлый Морфей забирал меня в свое царство.

Лена перешла в десятый класс, и ей разрешили ходить на танцы. Когда она возвращалась поздно, я ложился в постель и, насупившись, смотрел в проем беседки на черное бархатистое небо, густо усеянное звездами. Казалось, протяни руку и легко наберешь полную горсть маленьких звездочек. Вдруг срывается одна звезда, за ней другая, и вот уже целый поток стремительно летит вниз.

Я загадываю желание: «Скорее бы пришла Лена!»

Вокруг тихо, и под мерное пение сверчков я засыпаю.

Целыми днями я по-хозяйски расхаживал по двору, исследовал сарай, копался в банной утвари, лазал по деревьям в саду, наполненном благоуханием спелых плодов, наблюдал, как тетя Оля хлопотала на кухне. Ловко цепляя ухватом горшки с едой, она отправляла их в пылающее жерло печи. Там всё бурлило и скворчало, а я с жадностью вдыхал пряный аромат готовящейся пищи.

Меня переполняли радостные эмоции! Но на беду я всюду натыкался на обезображенного дядю Федю, который то и дело норовил взять меня на руки.

– Иди ко мне, племяш, – ласково звал он.

Я робко делал пару шагов в его сторону и, резко развернувшись, стремглав убегал в дальний угол сада. Влезал на стоявший у дувала верстак и с любопытством наблюдал за соседским скотным двором, примыкавшим к дядиной территории.

– Что, интересно? – услышал я как-то за спиной его голос. – Я попрошу соседей, и они покатают тебя на ишаке. Хочешь?

– А кто такой ишак? – спросил я.

– Здесь так ослов называют.

– Хочу, очень хочу! – обрадовался я, и дядя Федя показался мне не таким уж и страшным.

– Пойдем, я покажу тебе голубей.

Из живности у них были только куры да голуби – страсть дяди Феди.

Едва дядя закрыл ворота загона для кур, через который мы проходили, направляясь к голубятне, как на меня набросился петух. Взлетев на спину, он хлестал меня крыльями и норовил клюнуть в темя. Дядя Федя ловко сбил его, а я в панике прижался к своему спасителю. Не желая уступать, петух крутился возле меня. Демонстрируя свою удаль, он попытался повторить атаку, угрожающе стуча о землю мозолистыми лапами.

– Кыш, басурман! – прикрикнул на него дядя Федя, грозно топнув ногой.

Тот неспешно отошел от меня, вздернулся, подбежал к

первой попавшейся курице и, взгромоздившись на нее, стал отчаянно трепать за хохолок.

Как только мы вошли в голубятню, откуда ни возьмись налетело множество красивых белых птиц с роскошными хвостами. Воркуя, они кружили вокруг нас. Когда дядя Федя достал из ведра зерна кукурузы, голуби мигом облепили его. Они сидели у него на руках, на плечах, на голове.

Я был озадачен: «Почему такие красивые птицы любят такого некрасивого человека? И почему не садятся на меня? Должно быть, они плохо видят, ведь у них очень маленькие глазки...»

Покормив голубей, дядя Федя пронзительно свистнул и, словно по команде, птицы взмыли вверх и закружили над садом.

Дядя договорился с соседями, и на следующий день я отправился с их сыном на арбе за колючками.

– А не случится ли ненароком беды? – забеспокоилась мама, увидев соседского мальчика. – Он же от горшка два вершка.

– Да нет, – поспешил успокоить её дядя Федя, – парнишка-то уже во второй класс перешел, а здесь дети взрослеют рано.

Повесив мне через плечо котомку с провиантом, он усадил меня на арбу, и мы отправились в дальнее путешествие.

Счастью моему не было предела. Рустам – так звали мальчика — деловито погонял ослика, впряженного в арбу. Мой попутчик всю дорогу молчал, а когда мы прибыли на место, он, всем видом демонстрируя свое превосходство надо мной, мелюзгой, деловито скомандовал:

– Я рублю колючку, ты несешь и укладываешь её в арбу.

– А когда домой? – спросил я. Было невыносимо жарко, и очень хотелось пить.

– Как наполним арбу, так и вернемся, вдвоем быстро управимся.

Его надежды на мою помощь не оправдались. Хоть Рустам и выбирал молодые зеленые побеги, они кололи мне руки, и я осторожно носил в арбу по одному кустику. Передвигаясь в поисках молодой поросли, мы оказались рядом с арыком, где я и вовсе перестал помогать, поскольку нашлись дела поинтереснее. Я то безуспешно пытался поймать в арыке рыбу, то гонялся за ящерицами, неожиданно появлявшимися и также неожиданно исчезающими. Редкие порывы ветра перегоняли круглые, похожие на огромные мячи, сухие колючки, и я носился за ними по песчаному безмолвию, словно по гигантскому футбольному полю.

Когда арба была заполнена, я достал из котомки съестные припасы, и мы завершили наши труды веселым пиршеством. Искупавшись в арыке, где Рустам легко поймал несколько огромных рыб, мы отправились в обратный путь.

Мой новый друг помог мне взгромоздиться на ишака, и

домой, к своему несказанному удовольствию, я возвращался верхом. А юный акын всю дорогу пел протяжную песню.

Это путешествие крепко врезалось в память как одно из самых ярких и счастливых событий моей жизни. В моменты грусти и тоски я с нежностью вспоминаю его, и словно переношусь в далекий мир беззаботного детства.

Прошло тридцать лет. Мне предстояла командировка в Самарканд.

– Навести дядю Фёдора, – попросила мама. – Ему будет приятно.

Я созвонился с Леной, жившей в то время в Самарканде, сообщил о приезде и спросил, что привезти её отцу.

– Веники, конечно, веники! – прокричала она в трубку. – И как можно больше, он просто истосковался по настоящей русской бане.

В хозяйственную сумку их влезло больше десятка. Когда по приезде я распаковал свой багаж, дядя Федя расплылся в довольной улыбке:

– Ну и удружил, племяш, ну и побаловал ты меня. И дубовые тоже! Да мне теперь их до конца жизни хватит.

– Живите долго, дядя Федя, я привезу ещё.

Вечером он истопил баню. Уже по тому, каким ароматом обдало меня в предбаннике, я понял, что удовольствие получу отменное.

Когда дядя Федя разделся, я ужаснулся: вся левая сторона его тела была обожжена. Глубокие звездчатые рубцы неестественно стягивали деформированную кожу, местами черную, местами слизисто-белую. Нижних ребер не было, отчего тело дяди казалось каким-то неестественным. Самым жутким был шрам на животе. Куски кожи, сведенные к центру, были сшиты кое-как и выглядели ужасающе.

– Что, страшно? – невесело усмехнулся дядя Федя. Я осторожно кивнул, не зная, что ответить.

– Я и сам пугаюсь, когда ненароком увижу себя в зеркале. Но тут уж ничего не поделаешь. Горел я. Два танка подо мной немец разбил, ни одной царапины, а в самом конце войны, аккуратно под Берлином, нас снова подбили. Контуженный, ничего не соображая, я начал вылезать из башни и тут, ты не поверишь, смотрю, медленно так подлетает ко мне небольшой осколок снаряда и шасть мне прямо в живот. И вижу я, как разрывает меня на мелкие кусочки. В тот момент всё вокруг словно замерло. Вся моя жизнь пронеслась перед глазами, и я подумал: «Это конец!»

Он закрыл глаза, его лицо исказила гримаса боли, причиненной жуткими воспоминаниями. Наступила гнетущая тишина.

Мое воображение разыгралось, и я представил это танковое сражение.

В разгар боя, когда гул рвущихся снарядов и крики бойцов слились воедино, танк дяди Феди был подбит и теперь

безжизненно лежал на пропитанной кровью земле. Его двигатель жалобно стонал, словно осознавая свою беспомощность.

Израненные и обгоревшие танкисты пытались выбраться из боевой машины, их лица были покрыты копотью и пылью, но по-прежнему выражали решимость и несокрушимую веру в победу.

Дядя Федя скрутил сигарку, чиркнул спичкой, прикурил и стал заваривать веники.

– А что было потом? – спросил я, не выдержав затянувшейся паузы.

– Что было потом, не знаю, но только жив я остался, – задумчиво произнес дядя, словно сам так до конца и не поверил в то, что это случилось.

– Когда очнулся, понял, что не в состоянии ни говорить, ни глаза открыть, и такое ощущение, будто крутят меня на вертеле над огнем. И тут слышу я, как кто-то спрашивает: «А это что у нас?» – «Этот не жилец, – отвечает женский голос. – Вот, смотрите сами, собрали кое-как, но что толку».

Словно рашпилем прошлись по моему телу. Видимо, женщина стащила с меня покрывало.

– «Как не жилец?! А кто детей поднимать будет?! У меня их трое!» — пронеслось у меня в голове, и я провалился в забытие.

Не знаю, сколько времени прошло, только слышу девичий голос: «Живой он!» Потом чьи-то нежные руки начали

осторожно промывать мне глаза. Мрак рассеялся, и я увидел склонившиеся надо мной испуганные лица, которые смотрели на меня с надеждой и тревогой. Я был жив, и это было чудом.

Дядя Федя смачно затынулся и продолжил:

– Из госпиталя я вернулся аж в сентябре. Еле добрался до своих, думал, повидаться и помру, – так был плох. А вишь, свою благоверную пережил.

Он замолчал, и я догадался, что сейчас дядя вспоминает эти непростые годы борьбы и надежды. Ведь этот человек, несмотря на шрамы, увечья и постоянную боль, прожил достойную жизнь, что не всегда удается даже абсолютно здоровым людям.

– Ну, пошли париться, племяш, – встрепенулся дядя, а то мне уже невтерпех.

Каменка полыхала могучим жаром. Дядя Федя зачерпнул из кадки воду и плеснул на камни. Те отозвались злобным шипеньем, и баню заволокло паром.

Дядя Федя улегся на полку, а я начал осторожно похлестывать его задубевшую от ожогов спину.

– Да не гладь ты меня, как младенца! – возмутился он. – Бей как следует, я только так её и чувствую.

Я энергично замахал вениками. Дядя Федя довольно покрякивал и блаженно жмурился.

После бани ели приготовленный накануне плов, запивая его терпким виноградным вином.

– Смотрю на тебя, племяш, и диву даюсь, – лукаво прищурясь, сказал дядя. – Шибко ты мне кого-то напоминаешь.

Он достал из тумбочки потрепанный фотоальбом и, порывшись, показал мне снимок, где я в кирзовых сапогах, в старомодной куртке и кепке с непомерно большим козырьком сидел на велосипеде. Это мог быть коллаж, но фотография была уж слишком пожелтевшей, чтобы можно было принять её за современную. Я с удивлением посмотрел на дядю Федю.

– Что, похож? – с улыбкой спросил он. – Где-то ведь была другая карточка. – Дядя стал быстро перелистывать страницы альбома и наконец торжествующе воскликнул: – Так вот же она!

Вынув из рамки фотографию, он посмотрел на нее, потом на меня и вынес вердикт:

– Одно лицо!

Я взял снимок. На меня смотрел... Я. Внизу каллиграфическим почерком была выведена надпись: «Смоленск. 1941 год. 15 июня». Обескураженный, я подошел к зеркалу и не нашел в наших лицах ни малейшего отличия.

– Это вы?

– Да, я.

– Феноменально!

– Сколько тебе годков?

– Тридцать пять.

– А мне в ту пору было тридцать четыре.

Мы обнялись, дядя Федя прослезился, и мне стало невыносимо стыдно за поведение того глупого мальчишки, каким я был тридцать лет назад.

Достав фотоаппарат, я сделал несколько снимков.

– Карточки-то пришли, а то снимают, снимают, а фотографии не дают.

– Пришлю, не сомневайтесь, обязательно пришлю!

Я понимал, почему дяде Феде не отдавали снимки, и у меня появилась идея отретушировать изображение, убрав с лица уродливые ожоги и подрисовав шевелюру на выжженной части головы. По возвращении домой, я на следующий же день отправился в ателье с просьбой помочь осуществить мой замысел.

– Нет, будет ещё хуже, неживая мазня выйдет, – выслушав меня, сказал фотограф. – А хотите, я убегу правую половину и зеркально помещу туда левую?

– Получится? – недоверчиво спросил я.

– Легко!

Через пару дней я забрал заказ. С фотографии на меня смотрело красивое, одухотворенное, мудрое лицо пожилого человека. Это был дядя Федя.

Этот «нежилец» прожил девяносто три года. Его исправленный портрет висит у меня рядом с фотографиями роди-

телей. Показывая их гостям, я говорю:

– Это мама, это папа, а это я в возрасте восьмидесяти лет.

Несостоявшийся дебют

Прозвенел звонок, преподаватель объявил перерыв, и студенты ринулись к выходу. Аудитория опустела, и я остался наедине с грустными воспоминаниями о своем несостоявшемся актерском дебюте в далеком детстве. Они были навеяны рассказом профессора о тонкостях работы режиссера над постановкой спектакля.

История эта на долгие годы оставила глубокую рану в моей душе. Я был шестилетним мальчуганом и, как многие мои сверстники, пробовал курить, лазал по чужим садам и ввязывался в драки по любому поводу. Если читатель подумал, что автор рос отчаянным хулиганом, то вынужден его разочаровать: вовсе нет. Вышеизложенное отнюдь не мешало мне прилежно учиться игре на фортепиано и участвовать в спектаклях нашего уличного театра.

Об одном из них и пойдет речь.

Первая красавица школы старшеклассница Ольга мнила себя великой актрисой. Она ходила в театральный кружок Дворца культуры, где играла не только в детских, но и во взрослых спектаклях. Воображуя, скажу я вам, была ещё

та! Поголовно влюбленных в неё ровесников она попросту игнорировала, отдавая предпочтение взрослым парням.

Так вот, этой самой Ольге пришла мысль поставить сказку силами ребят с нашей улицы. Идея прошла на ура, и от желающих участвовать в спектакле не было отбоя. Ольга проявила недюжий организаторский талант: она распределила роли, а тем, кому они не достались, нашла другое применение. Девчонок подрядила шить костюмы, назвав их модельерами, а мальчишек определила в художники-декораторы. Поскольку этих мудреных слов раньше никто не знал, новоиспеченные мастера театральной сцены были безмерно рады и горды.

Досталась роль и мне. Я был на седьмом небе от счастья и поспешил рассказать о своем успехе родителям, братьям и сестрам, а также поделился радостью с важным задумчивым котом. Наконец, залез на дерево и долго обсуждал с птенцами, неустанно щебечущими в гнезде, как буду исполнять свою роль. Их обеспокоенные родители то и дело подлетали с червячками и гусеницами в клювах и, попрыгав с ветки на ветку, улетали прочь.

Я и раньше читал стишки на уличных концертах, а здесь целая роль, да ещё и с песенкой, прямо как в кино! В спектакле я играл трубочиста. Забирался на крышу царского дворца, сколоченного из старых досок, и громко распевал под аккомпанемент пятиклавишной гармоники, на которой, потрясая гривой рыжих волос, наяривал соседский Юрка:

Я трубочист, я трубочист,

Я песенку свою пою на скатах крыши крутых.

Я должен вычистить все трубы

И белый дым пустить из них...

Репетировали целый месяц. Роли были выучены, костюмы и декорации готовы. Генеральная репетиция прошла успешно. Я твердо знал, когда мне выходить и когда начинать петь, чтобы, как говорила воображая Ольга, попадать в ноты.

Наступил день премьеры. Я надел свою любимую нарядную матроску и уже готов был отправиться на спектакль, как ко мне подбежала сестра, молча сняла с меня костюмчик и обрядила в старую изорванную кофту и в заношенные штаны старшего брата. Я разозлился и потребовал немедленно вернуть мой наряд.

– Какая может быть матроска, ведь ты же трубочист! – попыталась урезонить меня сестра. Но я не хотел ничего слышать и вновь облачился в свой любимый костюмчик. Сестра долго пыталась убедить меня в том, что трубочисты не работают в нарядных матросках, однако я был непреклонен и продолжал настаивать на своем. Исчерпав все аргументы, она позвала на помощь отца.

—

Ирина абсолютно права! Живо снимай матроску и надевай кофту с

брюками! – не терпящим возражений голосом велел отец. – А я, пожалуй, для достоверности добавлю небольшой, но весьма существенный штрих. – Он загадочно улыб-

нулся и ушёл.

Пока сестра наряжала меня в лохмотья, вернулся отец. Его рука была вымазана чем-то чёрным, похожим на ваксу. Он подошел ко мне и молча несколько раз провёл грязной ладонью по моему лицу. Увидев свое отражение в зеркале, я разревелся. Никогда ещё надо мной так жестоко не издевались!

Ну ладно сестра – та на днях, когда я украдкой исследовал мамин маникюрный набор, покрасила мне ногти, надела на пальцы кольца и сказала:

– Иди, похвастай перед друзьями, теперь ты самый красивый мальчик на нашей улице!

После этого надо мной долго потешались все ребята...

Но как мог так поступить со мной папа? Он ведь всегда радовался, когда кто-то хвалил меня за хороший поступок.

– Вот такой у меня сынок! – говорил он.

Если бы я сегодня спел песенку трубочиста в новенькой матроске, то соседи наверняка бы мне дружно хлопали, и тогда папа с гордостью мог бы повторить: «Видите, какой у меня сынок!»

Задыхаясь от несправедливости происходящего и, захлёбываясь от слёз, я с возмущением завопил:

– Никуда я не пойду в этих лохмотьях!

– Ну, если ты такой упёртый и не хочешь никого слушать, сиди дома! – разозлился отец, и они с сестрой вышли из комнаты, оставив меня пожирать плоды своего бунта.

Я уткнулся в подушку и отчаянно разрыдался.

«Вот наступит зима, уйду с пацанами на Северный полюс и домой не вернусь», – твердо решил я.

Каждую зиму, в пургу и лютый мороз, соседские мальчишки собирали в самодельные ранцы съестные припасы и уходили на Северный полюс, чтобы увидеть белых медведей, но до захода солнца неизменно возвращались, ссылаясь на нехватку продуктов, недомогание одного из участников похода или какую-нибудь другую причину, заверяя всех, что уж в следующий-то раз они подготовятся основательно и до Северного полюса непременно дойдут.

Маму с папой, конечно, было жалко, да и братьев с сёстрами тоже, но я твёрдо решил – уйду. С этим намерением я вышел из дома и направился к забору. Спектакль уже начался, публика громко аплодировала после каждой сцены. Я с волнением ждал выхода трубочиста. И вот появляется второклашка Верка, да не на крыше домика, а перед ним. Чумазая, в лохмотьях она не поёт, а невнятно бормочет слова моей песенки.

В приступе отчаяния я разревелся так, как если бы меня бросили на необитаемом острове, где я неминуемо должен был погибнуть от голода, а может быть, стать жертвой диких животных. У меня было такое чувство, что все меня бросили, предали и я остался один-одинёшенек на всём белом свете. Лишь верный друг – кот Васька, мурлыча, тёрся о мои ноги, выражая таким образом мне своё сочувствие. Я взял

его на руки и убежал прочь.

С тех пор прошло много лет. После школы я уехал в Москву и поступил в театральное училище. И все эти годы в глубине моей души жила обида на отца из-за того давнего случая. Она воздвигла между нами стену недопонимания и стала причиной отчуждённости. И только теперь, на этой лекции, я понял: Ольге следовало бы, как сказал наш преподаватель, «с каждым из актеров досконально проработать создание художественного образа». Но об этом длинноногая старшеклассница даже не догадывалась, и несостоявшийся театральный дебют маленького мальчика обернулся глубокой психологической травмой.

Высокие отношения

В коридор поликлиники, где в ожидании приема томились пациенты, громко стуча тростями, вошли два старика. Один тучный, с добродушным лиловым лицом, другой худосочный со злым колючим взглядом.

– Кто последний к урологу? – громко спросил тучный.

– Я, – вздрогнув, ответила чопорная старушка.

Старики сели. Тучный страдал одышкой, потел и без конца сморкался в помятый, явно несвежий платок. Тощий морщился и брезгливо отворачивался, словно давая понять всем

присутствующим, что он оказался рядом с этим неряхой совершенно случайно. Через несколько минут тощий спросил тучного:

– Изя, ты узнал, кто последний?

– Да.

– И кто это будет?

– Вот эта деликатная дама, – ответил Изя, с почтением указывая на старушку.

– Это очень хорошо, только ты не забудь, за кем занимал, а я пока схожу в туалет.

Последнее слово он, явно стесняясь, произнес шепотом.

– Ну что, наша очередь ещё не подошла? – вернувшись, проскрипел тощий.

То ли задремавший, то ли не расслышавший вопроса Изя ничего не ответил.

– Очередь наша не подошла? Оглох, что ли? – прокричал ему в ухо тощий старик, ткнув его в плечо набалдашником трости.

– Нет, не подошла, – встрепенулся толстяк. – Мы идем после этой милой дамы.

В это время зажглась сигнальная лампа, и старушка вошла в кабинет.

Тощий нервно ерзал на кушетке.

– Долго что-то, – проворчал он. – Как ты думаешь, я успею в туалет?

– Думаю, нет, женщина скоро выйдет.

И действительно, через пару минут старушка покинула кабинет. Взъерошенная и раскрасневшаяся, она мало походила на ту чопорную даму, что входила к врачу.

– Это точно та женщина, что была перед нами? – недоверчиво спросил худосочный старик.

– Да.

– Так теперь наша очередь?

– Да.

– Так что же мы не идем? – не унимался тощий.

– Нас пока не приглашают, видишь, лампочка не загорается, – промямлил тучный.

– А может, она перегорела? Сходи узнай.

Кряхтя, Изя с трудом поднялся с кушетки и направился было к кабинету, но уронил трость и нагнулся, чтобы её поднять.

– Да поскорее же ты, жирдяй! – злобно прошипел костлявый старикашка и ткнул его своей палкой.

Изя споткнулся, но удержался на ногах, поднял палку и в конце концов доковылял до кабинета.

Наблюдавшие за этой сценой посетители поликлиники осуждающе посмотрели на тощего.

– Что за хамство! Как можно позволять себе обращаться с пожилым человеком как с сопливым мальчишкой! – возмутился кто-то.

В это время дверь кабинета распахнулась, и на пороге воз-

ник Изя.

– Папа, я же говорил тебе, что ещё рано, – произнес он с наивным выражением лица. – Не волнуйся, нас пригласят. Тяжело дыша, он подошел к отцу и уселся рядом с ним. Наблюдавшие эту сцену разом приснули от смеха.

Шейх

В каирской мечети Амра ибн Аль-Аса царило настоящее вавилонское столпотворение, казалось, под сводами этого великолепного сооружения звучали все языки мира.

Группа россиянок с характерным вологодским говором любовалась утонченной резьбой и богатой отделкой мечети, с восхищением делясь впечатлениями.

– Лепота-то какая, прям тыща и одна ночь, – восторгалась приземистая толстушка.

– Да, уж ни золота, ни драгоценных камней не пожалели, – вздохнула высокая худая женщина, и вся компания дружно закивала головами.

Рядом с ними остановилась весьма живописная группа: импозантный мужчина с ярко выраженной восточной внешностью, с куфией на голове в окружении божественно красивых молодых женщин. Его манеры и высокомерный взгляд давали основание предположить, что это важный господин.

Словно по команде русские туристки устремили на него свои взоры и наперебой стали восхищаться колоритным во-

сточным красавцем.

– Вот мужик, всем мужикам мужик! Не иначе как шейх, а давайте попросим его сфотографироваться с нами! – предложила самая бойкая из них.

– Ага, размечталась! Со свиным-то рылом да в калашный ряд! Он пошлет тебя куда подале, больно-то надо ему с нами тетешкаться! Чай гусь-то свинье не товарищ, – осадила её толстушка.

– А может, и не пошлет, попытка – не пытка, а спрос – не беда, – не унималась бойкая.

– Господин шейх, можно с вами сфотографироваться? – подойдя к мужчине, спросила она, заискивающе улыбаясь.

– Харридук? – переспросил он, вопросительно вскинув брови.

– Сфотографироваться, говорю, сфотографироваться с вами можно? – повторила женщина, приложив телефон к глазу.

– Керк доллар! – рывкнул мужчина.

– Не понимаю, чего он хочет-то? – Бойкая повернулась к подругам, беспомощно разведя руками.

– Чего-чего, доллар требуют, вот чего, знать не лыком шит, – проворчала женщина, что постарше.

– Ну лано, дам я ему доллар, деньги не голова: дело наживное. Становитесь рядом с ним.

Бойкая достала из сумочки доллар и протянула мужчине.

– Керк доллар, керк доллар, – прошипел он, трясая перед

её лицом растопыренной пятерней.

– Пять долларов, он требует пять долларов! – возмутилась чопорная женщина, похожая на школьную учительницу. – А ещё говорят «сытого потчевать не накладно». Вот тебе и не накладно!

– А не подавится? Кукиш ему, а не пять долларов! Он нас как липок обдерет и без порток-то и оставит, – вторила ей визгливым голосом сухощавая дылда.

– Да неудобно как-то, ещё подумат, что все русские – скряги, а то и вовсе нищие. Ладно уж, вставайте рядом с ним, я, так и быть, заплачу.

Расстроенные женщины с явной неохотой подчинились, и бойкая протянула шейху пять долларов.

– Таххуди! Керк доллар зык, керк доллар зык, керк доллар зык, – гневно сверкая глазами, прорычал он, тыча в каждую женщину пальцем.

– Ек макарек! С каждой? Вот вляпались-то! – простонала дылда.

Тем не менее деньги были собраны и переданы жадному шейху.

Фотосессия вышла унылой.

– Ну вот, теперь я весь день могу кутить со своими египетскими коллегами, – перебирая купюры, довольно ухмыльнулся мужчина и кивнул в сторону сопровождавших его красавиц. – Спасибо, дамочки!

Все это он произнес на чистейшем русском языке без ма-

лейшего намека на восточный акцент. От удивления женщины на мгновение потеряли дар речи. Быстрее всех пришла в себя толстушка:

– Так он из наших... – протянула она.

– Ладно-ладно, так уж и быть, верну я вам ваши кровные, наверняка с трудом заработанные.

– А мы-то подумали, что вы шейх.

– Да я понял. А что, с соотечественником сфотографироваться не желаете?

– Желаем, желаем! – радостно загалдели россиянки и мгновенно со всех сторон облепили псевдошейха.

Милейший Павел Петрович

Есть у преподобного Паисия Святогорца поучение о разделении людей на мух и пчел. Пчела и на свалке отыщет цветков и соберет нектар, а муха... муха и в прекрасном саду найдет кучу....

Доцент Павел Петрович Зарайский был мухой.

Тщедушный, сутуловатый, невзрачный, он производил впечатление доброго и вполне безобидного пожилого человека. Говорил Павел Петрович всегда тихо, извиняющимся тоном. С его лица не сходила растерянная улыбка.

Беседуя с коллегами, Зарайский, казалось, совершенно искренне делал им комплименты, восхищался их профессиональными достижениями и удивительной, по его словам,

способностью позитивно влиять на людей. Он восторгался мужьями и женами, детьми и внуками сотрудников.

Павел Петрович никогда ни о ком не сказал дурного слова, старался всех оправдать, и поэтому на кафедре его считали милейшим человеком.

Но за маской безобидного добряка скрывался прирождённый интриган, злобный, мстительный и расчетливый мерзвец.

На любую, по его мнению, несправедливость, допущенную в отношении него, он реагировал растерянной обезоруживающей улыбкой, которая заставляла его обидчика, мнимого или реального, чувствовать себя неловко и пытаться как-то исправить ситуацию. Выслушав извинения, Павел Петрович трепетно прижимал руки к груди и тут же начинал горячо уверять собеседника в том, что ничего страшного не случилось и он не держит на него зла, а сам уже рисовал в своем воображении картину утонченной мести.

Отныне при каждом удобном случае в разговоре с коллегами он старался выставить своего недруга в самом невыгодном свете, представляя его разносчиком сплетен. Делал это Павел Петрович виртуозно. Он со скорбным видом подходил к одному из друзей этого человека и, потупившись, говорил, что знает о его сложной ситуации и очень ему сочувствует. (Причем говорилось о действительно имевшей место проблеме, но представленной в искаженном и гипертрофированном виде.) Когда же возмущенный собеседник спра-

шивал, откуда такие сведения, Зарайский, мастерски изображая смущение, называл имя своего обидчика. И люди верили ему, поскольку невозможно было представить, чтобы такой милейший и интеллигентный человек, да к тому же столь почтенного возраста, мог кого-то оболгать. Да и зачем ему это? А он, подобно злобному Яго, получал пьянящее наслаждение, сталкивая людей лбами и наблюдая, как недавние друзья становятся заклятыми врагами.

Руководствуясь исключительно выгодой, Павел Петрович, на словах ратуя за высокую нравственность и бескорыстие научного сообщества, поставил на поток стряпание диссертаций для чиновников, жаждущих получить ученую степень. Околонаучные опусы представляли собой компиляции из нескольких студенческих дипломов. Делал он это «благое» дело, разумеется, на вполне себе возмездной основе...

Высшим же проявлением его лицемерия были доклады при изменении политической ситуации в стране. В каждом из них звучала ключевая фраза, ставшая в вузе притчей во языцех.

Во времена «развитого социализма» Павел Петрович вещал с высоких трибун:

– ...Мы – винтики мощного механизма, рожденного великим Октябрем! Все как один в творческом порыве мы с воодушевлением идем к победе коммунизма, к светлому будущему, гарантирующему счастье нам и нашим детям...

В годы перестройки он с энтузиазмом диссидента со ста-

жем провозглашал:

— ...Да, мы винтики. Мы винтики механизма, приводимого в движение мощной энергией инициативных масс. Перестройка дала нам простор для творчества. Наконец-то мы освободились от идеологического давления партноменклатуры и можем быть уверены в светлом будущем наших детей...

В девяностые Зарайский гневно клеймил проклятую коммунистическую диктатуру:

— ...Мы были ничтожнейшими винтиками мощного механизма коммунистической машины, подавляющей малейшее свободомыслие. Демократия нас раскрепостила — мы свободны творить и созидать наше будущее и будущее наших детей...

Павел Петрович как мог, в меру своих сил и возможностей, старался усовершенствовать мир, добиться в нем порядка и справедливости.

По ночам, когда вся семья спала, он садился за кухонный стол, старательно затачивал карандаш (Павел Петрович любил писать, а не печатать, причем писать именно карандашом, а не ручкой — так больше оставалось ЕГО в тексте) и писал. Писал то, что хотел сказать в личной беседе, однако не решался то ли из нежелания вступать в конфликты, то ли из гуманных соображений. Но, как бы то ни было, молчать о невежестве, пороках и преступлениях, бесконечно совершаемых вокруг, он не мог. Павел Петрович писал в министер-

ство донос на ректора, ректору – на проректоров и деканов, деканам и проректорам – на заведующих кафедрами, заведующим кафедрами – на преподавателей и обо всех них – президенту. Скрупулёзно выверив каждое слово, он вносил текст в компьютер и через несколько e-mail'ов, чтобы, не дай бог, не вычислили автора послания, отправлял адресату. Так Павел Петрович исполнял свой гражданский долг, как он его понимал, будучи искренне убежденным в том, что выполняет миссию тайного мстителя и восстанавливает справедливость.

Результатом его деятельности были многочисленные скандалы, следовавшие один за другим. Павел Петрович наслаждался происходящим и искренне верил, что делает благое дело и помогает миру стать лучше. Оставаясь наедине с собой, он успокаивал жалкие остатки своей совести тем, что если бы он обладал властью, то непременно действовал бы открыто и решительно.

Нимфетка

В кабинет психолога вошла средних лет женщина, одетая как девочка-подросток в легкую свободного кроя блузу и плиссированную юбку, едва прикрывавшую ягодицы. Наряд дополняли полосатые гольфы, собранные гармошкой над кроссовками. Это одеяние явно свидетельствовало о том, что дама намерена бороться за вечную молодость всеми

доступными ей способами.

Она тащила за собой юную и очень похожую на неё де-вушку. Та пыталась сопротивляться, но как-то вяло, а пото-му безуспешно.

Поздоровавшись с посетительницами, психолог предста-вился, предложил им сесть и рассказать, что заставило их к нему обратиться.

– Это моя дочь Инна, – тяжело вздохнув, сказала женщина и ткнула пальцем в юную особу. – Меня пугает, что она как-то чересчур быстро взрослеет!

– Вот те на! — удивился психолог. — Все жалуются на инфантилизм своих детей, а вы недовольны её преждевре-менным взрослением! Что именно вас не устраивает?

– Ну, во-первых, формы, ведь ей всего тринадцать!

Девочка и впрямь была не по годам развита и выглядела как минимум лет на шестнадцать – эдакая нимфетка.

– Да, действительно, физиологически она значительно опережает свой возраст, но такова её природа и в этом нет ничего страшного.

– Она дружит не со сверстницами, а исключительно со старшеклассницами.

– Если они не влияют на неё дурно, то и это не страшно. Вероятно, девочка более продвинута, чем её одноклассницы.

– А одевается как! Недавно я нашла в её сумочке губную помаду, в ее-то годы! — не унималась мамаша.

– Ну хорошо, давайте сделаем так: вы с полчаса погу-

ляете, благо погода к этому располагает, а я тем временем побеседую с Инной. Она вам позвонит, когда мы закончим.

— Что, не ладите? — заговорщически спросил психолог девочку, когда её мать вышла из кабинета.

— А как с ней можно ладить? То прихожу, видите ли, поздно, то юбка слишком короткая — в общем, всё не так. В бане голыми ходим — и ничего, а юбка, видите ли, короткая.

— На то она и баня, чтобы нагишом ходить, — рассмеялся психолог.

— Баня-то общая.

— То есть как это? — удивился он.

— Ну, нудистская. А ещё мы каждое лето ездим на остров и там тоже голыми ходим.

Это откровение повергло психолога в шок. Пытаясь скрыть растерянность, он взял со стола пульт от видеокamеры, лежавшей на шкафу за его спиной, и стал вертеть его в руках.

— Я что-то не совсем понимаю... Ты хочешь сказать, что и в баню, и на этот самый остров взрослые берут детей?

— Ну да, — протянула девица. — А что тут такого?

— Впервые об этом слышу. А ты меня часом не разыгрываешь?

— Ну... Вы какой-то дремучий! — искренне удивилась Инна. — О нас и в газетах пишут, и по телеку показывают, и в соцсетях у нас свое сообщество...

Почувствовав себя хозяйкой положения, девица рассказа-

ла, чего от девчонок хотят парни в парной и что происходит на острове.

– Полагаю, ты ещё слишком юная для того, чтобы понимать суть происходящего. Осмелюсь предположить, что, скорее всего, это твои фантазии, — заявил психолог.

– Что? По-вашему, я маленькая?! — взвилась нимфетка. — Да вы знаете...

И тут её понесло. Она рассказала, как в школьном туалете подслушивает разговоры старшеклассниц, а затем организует им поездки за город с пригласившимися теми парнями. А там они вытворяют такое...

Судя по её словам, в школе она была самой главной и все ей подчинялись, а если кто-то пытался задрать хвост, то... И девица многозначительно провела ребром ладони по горлу.

Это был первый случай в практике психолога, когда он совершенно утратил контроль над ситуацией. Специалист с весьма приличным стажем, который помог не одной сотне людей, в этот момент сам остро нуждался в помощи кого-нибудь из коллег.

– Я думаю, что мне следует поговорить с твоей мамой, — строго сказал психолог, пытаясь таким образом вернуть себе статус хозяина положения.

– Да вы что — ни в коем случае! Не делайте этого! — взмолилась девица. — Она же меня убьет!

– Да, конечно, вы правы, — неожиданно для себя он перешел на «вы». — Я возьму тайм-аут и через некоторое время

с вами свяжусь. А сейчас звоните маме – пусть подходит.

Отзвонившись, девочка ушла, а психолог, потрясённый услышанным, сидел в кресле, пытаясь осмыслить произошедшее.

Он читал и слышал об этом от коллег, ему доводилось иметь дело с ситуациями куда более мерзкими и отвратительными, но чтобы столь юное создание оказалось до такой степени развращённым. Она же почти ребёнок, хотя действительно развита не по годам. Да нет, не может быть! Скорее всего, девочка его просто-напросто разыграла.

Неожиданно дверь распахнулась, и в кабинет влетела разъярённая мамаша нимфетки.

– Ах ты педофил проклятый, я тебе покажу, как детей лапать! — закричала она с порога и, размахнувшись, огрела его сумкой.

Испуганный мужчина соскочил с кресла и забежал за стол на безопасное расстояние от взбешённой женщины.

– Да что случилось? — растерянно спросил он, совершенно не понимая, что происходит.

– Он ещё спрашивает, что случилось, а когда к девочке под юбку лез, не спрашивал? — Она стала швырять в него ручки и карандаши, лежавшие на столе.

«Это какое-то безумие!» — с ужасом подумал психолог. Его охватило состояние, близкое к панике. Он практически утратил способность здраво мыслить и совершенно не представлял, как вести себя в этой ситуации. Внезапно краем гла-

за мужчина заметил бесстрастно мигающий красный сигнал видеозаписи. Видеокамера! Это открытие немедленно привело его в чувство и вернуло самообладание.

— Да успокойтесь же вы наконец! Всё происходившее в кабинете записано на видеокамеру. Кстати, запись и сейчас ведётся.

— Где? — замерев от неожиданности, растерянно спросила фурия.

— Да вот же! — Психолог указал на шкаф. Затем вышел из своего укрытия, опасливо косясь на взъерошенную мамашу, и взял пульт с журнального столика.

— Сядьте и успокойтесь! — окончательно придя в себя, приказал он. — Камера работала всё то время, что я беседовал с вашей дочерью. Сейчас я перемотаю запись назад, и мы посмотрим весь наш сеанс. Всё это время ни я, ни ваша дочь не вставали с кресел. Обратите внимание: запись хоть и была сделана совершенно случайно, но проходила в режиме реального времени. Как теперь выяснилось, «во спасение». Впрочем, это вовсе не преступление. Вы можете просмотреть всё, но знайте: чем больше вы увидите, тем больше осложнятся ваши отношения с дочерью. При иных обстоятельствах я бы ни в коем случае вам эту запись не показал, а стёр бы её сегодня же. Ну а теперь не обессудьте, я её сохраню на пару лет, чтобы обезопасить себя.

Он включил телевизор и нажал на пульте кнопку «Пуск». «Вероятно, девочка испугалась возможных неприятных

последствий нашего с ней разговора и наплела матери про приставания, чтобы дискредитировать и тем самым нейтрализовать меня. Ну аферистка!

Выходит, она говорила правду. Но всё равно нельзя показывать матери весь отснятый материал, надо что-то делать...» — лихорадочно думал он. На его счастье, после нескольких минут просмотра мамаша как ошпаренная выскочила из кабинета. Психолог вытер со лба испарину и без сил рухнул в кресло.

Роковой эскорт

– А давай-ка, подруга, рванём в клуб! – предложила Кира, игриво ткнув Машу в бок. – Выпьем, потанцуем, расслабончик после трудов не совсем праведных нам точно не помешает!

Подруги сопровождали бизнесмена в деловой поездке по Турции, и им пришлось изрядно попотеть в качестве эротического бонуса, предоставляемого дельцом турецким партнерам. Правда, довольный результатами переговоров торгош расщедрился и кроме оговоренного гонорара вручил подругам по пять штук зеленых, что не так уж и часто случалось в нелёгкой жизни эскортниц.

В клубе было многолюдно и шумно. Свет мерцал в такт музыки, и огромная толпа танцующих то появлялась в ярких вспышках света, то исчезала. Кира заказала водку и орешки.

Маша быстро захмелела, вошла в раж и выдавала на танцполе такое, что не могла не обратить на себя всеобщего внимания. Один из молодых людей, возбужденный эротичным танцем девушки, пристроился сзади и начал её откровенно лапать. Маша развернулась и вlepила ему звонкую пощёчину. Он мгновенно ответил ей тем же. Девушка упала. В то же мгновение какой-то парень нанес обидчику хук справа, и тот рухнул на пол.

– Вы в порядке? – участливо спросил молодой человек, поднимая Машу.

Она молча уткнулась в его плечо и разрыдалась. Подбежала Кира и попыталась увести подругу.

– Думаю, не стоит здесь оставаться, давайте я вас отсюда увезу, – предложил юноша.

– Давайте! – поддержала его Кира. – Подождите минутку, я только рассчитаюсь.

– Не беспокойтесь! – остановил её молодой человек. – Сергей, – обратился он к своему спутнику, – расплатись, пожалуйста, за девушек и присоединяйся к нам – мы уезжаем.

Они остановились у ярко-красного «порше».

– Не слабо! – шепнула Кира подруге, но та всё ещё пребывала в шоке, а потому лишь слабо кивнула.

– Куда вас отвезти, милые дамы? – спросил обладатель элитного авто, когда подошел его приятель. Кира назвала адрес.

– Поехали! – Водитель втопил педаль газа, и машина с

рёвом рванула по сверкающей в свете фонарей дороге.

– Ну что ж, девушки, – повернулся молодой человек к спутницам, – давайте знакомиться: меня зовут Фёдор, а моего приятеля – Сергей.

Девушки тоже представились.

– Кстати, рядом с вами есть милая кафешка, мы могли бы там провести остаток вечера, чтобы снять стресс, – предложил Фёдор.

– А почему бы и нет? – поддержала его Кира. – Мы же в клубе едва успели расположиться, и тут это чмо нарисовалось. Опять же рядом с домом...

– Может, не стоит? – слабо сопротивлялась Маша. – Не то сейчас настроение...

– Да ладно тебе, если ты после встречи с каждым отморозком будешь так переживать, то тебя надолго не хватит. Поехали, пара коктейльчиков нам точно не помешает, – уговаривала её подруга.

– Может, ты и права... Ладно, поехали.

– Вот и прекрасно! – обрадовался Фёдор.

Он оказался сдержанным и немногословным молодым человеком. Зато его приятель говорил без умолку: байки и анекдоты сыпались из него как из рога изобилия, и ему так удалось поднять девушкам настроение. Компания плотно поужинала и изрядно выпила, и только Фёдор не притронулся к спиртному.

– Вы не пьёте? Спортсмен или у вас принцип? – кокетливо

спросила Кира.

– Так я же за рулём, – ответил Фёдор.

– Уважаю! – кивнула головой уже сильно захмелевшая девушка и повторила: – У-ва-жа-ю!

Друзья отвезли своих спутниц домой. Проводив их до парадной, Фёдор придержал Машу за локоть.

– Я заметил вас, как только вы вошли в клуб, – смущаясь, тихо сказал он. – Думаю, было бы неправильно не продолжить нашего знакомства... Вы не могли бы дать номер своего телефона? Может быть, сходим в театр или съездим за город...

Маша не успела ничего ответить, как вмешалась стоявшая неподалеку Кира, бойко продиктовав номер.

Красавцем Фёдор не был. Если бы не спортивное телосложение, его внешность была бы не просто непримечательной, а скорее даже отталкивающей: глубоко посаженные глаза, мясистый нос, тонкие губы, впалые щёки, изрытые оспинами от ветрянки, жидкие прямые волосы пепельного оттенка... Но все недостатки внешности парня искупала его потрясающая улыбка – широкая, открытая, мгновенно располагающая к нему людей независимо от их пола и социального статуса, она делала лицо Фёдора если и не красивым, то очень славным.

Как заметила практичная Кира, судя по машине и по тому, что он не смотрит на цены в меню, он явно богат. Правда, поспешила добавить она, может, и не он сам, а его родители,

но в нашем случае это не имеет особого значения.

– Фёдор по уши в тебя втрескался! – заявила Кира подружке. – А такие, как он, влюбляются раз и навсегда, поверь мне, уж я-то этот народец знаю.

Молодые люди стали встречаться. Фёдор относился к Маше с большой нежностью, исполнял все её прихоти, но при этом не позволял себе в отношении неё никаких вольностей. Это удивляло и озадачивало девушку.

– Может быть, он импотент? – поделилась она своими сомнениями с Кирой. – Мы знакомы больше двух недель, и никакого намёка на секс.

– Дорогая, он же не знает, что ты путана, – добродушно заржала подруга. – Он спрашивал, чем ты занимаешься?

– Да.

– И что ты ответила?

– Я сказала, что фотомоделё, рекламирую зубную пасту и мясорубки. Мы вместе сходили в Гостинку и полюбовались моими фотографиями. Похоже, они очень ему понравились.

– Молодец, я всегда чувствовала, что ты не промах. Слушай, а давай мы тебе заветную дырочку заштопаем, такие, как твой Фёдор, это ценят.

– Да ладно, он же не совсем дурак.

– Ну хорошо, а сама-то ты как? Имеешь на него виды?

– Знаешь, он познакомил меня со своей семьёй, и они все

мне очень понравились. А домище-то у них какой! Правда, его мать так на меня смотрела... Было такое ощущение, что она видит меня насквозь. Мне даже не по себе стало... У меня вообще какое-то дурное предчувствие. Думаю, что ничего у нас с ним не получится. Слишком он для меня чистый, что ли...

– Брось, я ещё не такие истории знаю. Богатенькие иностранцы на таких прошмандовках женились, что ты на их фоне просто невинная Дюймовочка, которая и переспала-то всего-навсего с жучком и эльфом.

– Ещё были сын жабы и крот, – грустно усмехнувшись, заметила Маша.

– Ну, в этом признаваться вовсе не обязательно... Надеюсь, у тебя хватит мозгов не каяться перед ним во всех своих грехах! Запомни: чем меньше мужик знает о тебе, а уж тем более о твоих похождениях, тем с большим интересом и уважением он будет к тебе относиться. Кстати, я думаю, тебе надо отказаться от эскорта и почистить страницы в соцсетях. Ты там такая оторва! Посты, где ты изображаешь светскую даму, можешь оставить, только заблокируй комментарии, в них есть пара разоблачений, вдруг он нарвётся и начнёт копать...

– Это верно, каждый урод, которому не прокатило на халюву, норовит отыгаться в сетях. Вот гаденыши!

– Постарайся как можно скорее затащить его в постель. Только не вздумай с места в карьер демонстрировать свои та-

ланты по этой части! Скромнее надо быть, милочка, скромнее... Пусть твой Фёдор думает, что это он тебя всему научил. Мужики такое любят. Да, и ещё: будет предлагать руку и сердце – долго не ломайся и не забудь сказать, что в браке больше всего ценишь надежность и именно за это качество ты его и полюбила. Впрочем, что я тебя учу, ты сама кого хочешь научишь.

– Слушай, Кира, я всё думаю: ты училась где-нибудь или от природы такая умная?

– От природы... Ты будешь смеяться, но я всего год недоучилась на учителя младших классов. Ушла с последнего курса, когда познакомилась с одним бандитом. Он деньги пачками считал. Так и говорил, когда я на что-нибудь просила: «Сколько тебе пачек?» Вообще мужик любил понтоваться, но ласковым был и внимательным. Я за ним была как за каменной стеной, да и любила его безумно. Он сказал: «Не нужен тебе этот диплом, хочу, чтобы ты всегда была рядом». И я, как всегда, его послушалась.

– И где теперь этот герой твоего романа?

– Убили, на моих глазах убили, а потом ещё заставили отрабатывать его долги. Целый год в борделе держали.

– Да уж, потрепало тебя... – тяжело вздохнув, сказала Маша.

– Не то слово! И это лишь малая часть того, что мне пришлось пережить.

Наступила неловкая пауза. Маше очень хотелось подроб-

но расспросить Киру о её злоключениях, но внутренний голос шепнул ей: «Не надо, не бери её раны... Придёт время, и она сама всё расскажет».

– Что-то меня в ней настораживает, какая-то она напряжённая... – сказала мать Фёдора мужу, после того как сын познакомил их со своей девушкой. – Может быть, это от смущения, а может, ей есть что скрывать. Пусть твои ребята покопаются в её биографии, лишним не будет, а то, похоже, наш мальчик настроен серьёзно, как бы не попал в какую-нибудь грязную историю».

Через два дня начальник службы безопасности зашёл к отцу Фёдора и протянул патрону флешку:

– Это, Алексей Михайлович, материалы об особе, по которой вы запросили информацию.

– Ну и что там? – сухо спросил шеф.

– Фото для рекламы, эскорт и порноролик.

– Закажите её сопровождение в ближайшее время в Москву на пару дней.

– Когда конкретно вы едете?

– Не я... Главное, сделайте так, чтобы в определённое время эта девица сидела в поезде, следующем в Москву.

Через три дня у Алексея Михайловича состоялся неприятный разговор с сыном.

– Послушай, Фёдор, то, что я сделал, – это скорее профес-

сиональная привычка, чем недоверие к твоей избраннице. Поверь, я был уверен, что получу короткий доклад: «Чиста, как слеза младенца». Ан нет, доклад оказался обширным, да ещё и с иллюстрацией... Думаю, тебе надо это увидеть, – сказал Алексей Михайлович, протягивая сыну флешку. – Вряд ли ты захочешь, чтобы такая женщина стала матерью твоих детей. Мужайся! Да, завтра она будет сопровождать в Москву богатого бизнесмена. Вот билет на место рядом с ней.

Днём раньше к Маше неожиданно явилась Оксана – хозяйка агентства эскорт-услуг.

– Ну, мать, ты даёшь! – с порога налетела она на девушку. – Что у тебя с телефоном? Ну никак дозвониться не могу, пришлось ехать. Короче: на тебя запал какой-то олигарх, хочет, чтобы ты с ним на пару дней съездила в Москву.

– И речи быть не может! Я с этим завязала, у меня теперь свой олигарх есть.

– Ой-ой-ой, сегодня есть, завтра нет! Завяжешь, когда он тебя замуж позовёт. А сейчас собирайся: поездка на пару дней за пять тысяч баксов – это не работа, а подарок судьбы.

– Сколько-сколько?

– Пять тысяч зелёных при режиме «всё включено с обеих сторон», причём заметь, в этот раз я не беру никаких процентов.

– А с чего это ты такая добренькая? – с подозрением спро-

сила Маша.

– Понимаешь, не хотела упускать такого клиента и согласилась за тебя. Держи, здесь и деньги, и билет.

Оксана, достала из сумки конверт и протянула девушке.

– Нет! – твёрдо заявила Маша и решительно отвела её руку.

– Не дури! Вспомни, ты уже не раз обламывалась, а ведь я тебя спасала... Ещё неизвестно, как жизнь-то повернётся!

– Нет, нет и ещё раз нет!

– Не беси меня, – злобно прошипела Оксана, но тут же сменила тон: – Послушай, девочка, ведь если твой принц, дай бог, позовёт тебя под венец, у тебя хотя бы будет на что платье купить. Да и вообще на всякий случай всегда надо про запас деньги иметь, мало ли что...

– «А ведь она права, – подумала Маша. – Фёдор ничего не узнает, а я хоть что-то заработаю».

– Ох, умеешь ты убеждать, – проворчала она. – Но запомни: это в последний раз, и только ради нашей дружбы!

– Ну вот и договорились! – обрадовалась Оксана и довольная удалилась с барышом в две тысячи долларов.

Когда в купе бизнес-класса появился Фёдор, Маша сразу поняла, что это не случайная встреча, а самая настоящая грамотно организованная подстава. Вот только узнать бы, кто её инициатор... Впрочем, какое это теперь имеет значение!

Девушка понимала, что все её попытки как-то оправдаться будут выглядеть жалко. Молодые люди молча смотрели друг на друга, зная, что это их последняя встреча. Затем Фёдор повернулся и вышел из купе. Маша рванулась было за ним, но тут же вернулась на место, с застывшим лицом взяла свою дорожную сумку и поплелась к выходу из вагона.

Поруганная любовь.

Даша шла по институтскому парку. Она только что получила диплом об окончании Политеха, но не испытывала никакой радости от этого события. Девушка с грустью вспоминала события пятилетней давности, так многое изменившие в её жизни.

В ноябре началась установочная сессия. На встречу с деканатом он опоздал. Вошёл в аудиторию и вместо того, чтобы молча сесть за ближайший стол, стал спрашивать, та ли это группа и когда будет перерыв.

– Молодой человек, не отнимайте у нас время! – одёрнула его заведующая заочным отделением. – Садитесь, все вопросы потом.

Однако своего он добился, все обратили на него внимание. «Мог бы обойтись и без этого, – усмехнувшись, подумала Даша. – Тебя, дружок, трудно не заметить». Парень про-

шёл вглубь аудитории и сел неподалёку от девушки. Неожиданно у неё застучало в висках и закружилась голова, её бросало то в жар, то в холод, по коже забегали мурашки. Девушке показалось, что ещё чуть-чуть и она потеряет сознание. Она перестала слышать, что говорят методисты, она вообще не могла ни о чём думать, кроме как о незнакомце, сидящем неподалёку.

«Божечки, что же это со мной творится? – с ужасом подумала Даша. – Неужели это и есть пресловутая любовь с первого взгляда?»

Да, это была именно она. Девушку словно магнитом тянуло к молодому человеку. В перерыве она несколько раз прошла мимо парня, надеясь привлечь его внимание, но он был так увлечён разговором с каким-то студентом, что даже головы не повернул в её сторону. Это задело девушку за живое: обычно, стоило ей появиться, как особы мужского пола проявляли к ней живой интерес, а тут такое пренебрежение... «Ну ничего, голубчик, – подумала она. – Ты у меня ещё в ногах будешь валяться!»

После занятий Даша долго гуляла по институтскому саду, а затем отправилась в кинотеатр, где посмотрела какую-то слащавую мелодраму. Впрочем, если бы её спросили, о чём был фильм, вряд ли она смогла бы вразумительно ответить: все мысли девушки были заняты так неожиданно появив-

шимся в её жизни молодым человеком. Потом Даша бродила по городу, пытаясь совладать с обрушившимся на неё чувством. Домой она вернулась поздно, не раздеваясь, рухнула на кровать и погрузилась в размышления: «Какая же я дура! – корила она себя. – Пока искала предлог, чтобы познакомиться с ним, кто-то из девиц, скорее всего, уже сделал это... Впрочем, вряд ли такого красавчика до сих пор никто не прибрал к рукам. Наверняка у него кто-то есть... Кольца на пальце вроде бы не было... А если и было, то что? Влюбиться в меня и разведётся... Завтра же с ним познакомлюсь!»

Приняв такое решение, Даша успокоилась и заснула сном младенца.

Утром девушка первым делом включила компьютер и нашла в интернете «двенадцать способов первой познакомиться с мужчиной». Не особо заморачиваясь, остановилась на самом простом – попросить о помощи. «Эти козлы даже не удосужились привести хотя бы пару примеров, как именно это сделать! – возмущалась Даша. – Что ж, придётся импровизировать...»

С трудом дождавшись окончания занятий, Даша подошла к приглянувшемуся ей парню.

– Привет! – обратилась она к нему, старательно изображая смущение. – Послушай, я забыла дома кошелёк, а ты производишь впечатление небедного человека, может быть, одол-

жишь мне до завтра сотенку на кофе? А ещё лучше просто угости, – сказала Даша и кокетливо улыбнулась.

– Послушай, детка, может, тебя ещё и трахнуть для полного твоего удовольствия? – возмутился парень. – Я тебя знать не знаю, а ты у меня денег просишь. Кстати, у меня их нет и в ближайшее время не предвидятся. Я даже комнату не могу себе снять. Понятия не имею, где сегодня буду ночевать. Скорее всего, опять на вокзале придется ошиваться.

«Н-да, это точно не принц на белом коне и уж тем более не богач, – подумала Даша. – Но до чего же хорош, сукин сын!»

– Ну что ж, пошли, бедолага, – вздохнула она.

– Куда это? – вскинулся парень.

– Так и быть, переночуешь сегодня у меня, а там посмотрим... Есть хочешь?

– Да я умираю с голоду.

– Ну вот, заодно накормлю тебя. Знаешь, я отлично готовлю.

– А что ты ещё делаешь отлично? – с наглой ухмылкой спросил он.

– Всё. И то, что ты имеешь в виду, тоже, – отрезала Даша. – Кстати, как тебя зовут, красавчик?

– Влад, а тебя?

– Даша.

– Ну что ж, будем знакомы, Даша...

Дома девушка усадила Влада за стол, а сама заметалась между ним, холодильником и плитой. Через несколько ми-

нут стол был заставлен едой.

— Ешь! — сказала Даша, а сама, сев напротив и по-бабьи подперев щеку, жалостливо смотрела, с какой скоростью парень опустошает тарелки. — Да ты и в самом деле голодный, — сочувственно заметила она.

— Ещё бы! Со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было.

Влад оказался превосходным любовником, страстным и нежным одновременно. Она и раньше испытывала оргазм, но даже тогда, когда сама выбирала понравившегося ей парня, это ощущение мало чем отличалось от мастурбации. Секс с Владом, был подобен полету над цветущим садом. В легкой невесомости воспаряла она к звездам, ярко слепившим и обжигающим эротическим огнем и падала в омут дурмана. Нежность его рук приводила в трепет, мощная страсть пробуждалась в глубинах её сексуальности, и она разрывала его на части, обнажая неистово kloкочущее сердце возлюбленного.

В постели он не был эгоистом, но, к сожалению, только в постели... В остальном Влад был типичным альфонсом, самовлюбленным красавчиком, но при этом неплохим психологом: он моментально определял, что собой представляют его партнерши, которых он ни в грош не ставил, выявлял их слабости и прекрасно ими пользовался. Когда любовника не

было рядом, и Даша обретала способность мыслить здраво, она отдавала себе отчёт, с кем имеет дело, но стоило ему появиться, как мозги напрочь отказывались ей служить.

С Владом, конечно, было весело и интересно, они посещали концерты, рестораны, ночные клубы... Правда, платила за все эти удовольствия Даша, и это ей не очень нравилось. Но девушка успокаивала себя тем, что они уже практически семья, любят друг друга, а в таком случае у людей обычно всё общее.

Поскольку плотским утехам пара предавалась со всей страстью, совершенно не задумываясь о последствиях, они, эти последствия, не замедлили сказаться – Даша забеременела.

Обнаружив это, она сначала растерялась, а потом обрадовалась. Её мысли приняли совершенно неожиданный ход. Если до этого самой заветной мечтой девушки было выйти замуж за олигарха, то теперь она всерьез задумалась о том, как женить на себе Влада. Да, он, конечно, пустослов и альфонс, но рождение ребёнка может всё изменить! А уж она-то сделает из этого красавчика человека!

Если бы Даша знала, сколько женщин становились жертвами подобных заблуждений! Воистину любовь странная, а подчас и страшная штука...

Девушка уже нарисовала себе идиллическую картину их семейной жизни, оставалось только посвятить Влада в свои планы.

– Любимый, ты скоро станешь папой, – нежно прошептала она ему на ухо, когда они в очередной раз оказались в постели.

Он ничего не ответил, вскочил, быстро собрался и ушёл, даже не попрощавшись, оставив Дашу в полной растерянности. Она не знала, что и думать: то ли он разозлился, то ли ему надо было просто переварить услышанное... Второй вариант, безусловно, устроил бы её гораздо больше. Но дальнейшее развитие событий показало всю тщетность надежд девушки.

Влад перестал отвечать на Дашины телефонные звонки и появился в её квартире только спустя две недели.

– Слушай, не морочь мне голову своими проблемами, – раздраженно ответил Влад, когда она прямо спросила его, рожать ей или не рожать. – У меня и без тебя их хватает. Ведь ты же не думала всерьёз, что я на тебе женюсь? Чай не девочка, знаешь, что надо делать в таких случаях.

Все мечты Даши о счастливой семейной жизни рухнули... Как потерянная бродила она по квартире с потухшим взглядом, растрёпанная, всё валилось у неё из рук. Ей было всё равно, ночь сейчас или день, спит она или бодрствует, сыта или голодна. Девушкой овладело полнейшее безразличие ко всему и вся.

Когда Даша уже начала приходить в себя после аборта, как

ни в чем не бывало явился Влад.

– Ну что, милая, всё в порядке? – весело спросил он опешившую от неожиданности Дашу, нежно поцеловав её в щёку. – Я не сомневался, что ты всё сделаешь правильно. Ребёнок – это же такая головная... – Он не успел закончить фразу.

– Пошёл вон, урод! – раздался дикий вопль вышедшей из ступора Даши. – Чтобы духу твоего поганого здесь больше никогда не было! Приживал ничтожный!

Она вытолкала на лестницу растерянного Влада, явно не ожидавшего такого сурового приёма, и захлопнула дверь.

Даша поняла, что перестала испытывать к нему это волнующее, томительное и сладостное чувство. Любовь прошла. Свеча страсти прогорела, и пламя навсегда растворилось в холодной темноте ночи. Её опустошённая и обессилившая душа увядала от тоски. Словно исчезло что-то нежное, неконтролируемое разумом. Даша не разлюбила, а освободилась от любви, и теперь она испытывала равнодушие, распространявшееся на всё и на всех.

Спаситель

Профессора психологии Константина Константиновича часто называли Спасителем. Он никогда не ставил доек и многократно принимал экзамены у нерадивых студентов, вызывая тем самым недовольство деканата. Константин Кон-

стантинович всегда был готов помочь: налаживал давшие трещину взаимоотношения в семьях сотрудников, вытаскивал знакомых из безвыходных, казалось бы, ситуаций. Кроме того, у него всегда можно было перехватить до полочки. Спасение человечества было его призванием.

Однако немногие знали, что свое прозвище Константин Константинович получил после одной весьма романтической истории.

Однажды, когда он был ещё совсем молодым преподавателем, его отправили в школу деловых игр на повышение квалификации. Курсы проходили на окраине Одессы, где на самом берегу моря стоял роскошный отель, рядом с которым ютилось несколько десятков фанерных домиков – в них-то и жили слушатели.

Занятия были необременительными, интересными и даже полезными, но самой большой ценностью было, конечно, море. На пляже велись оживленные дискуссии, и как-то раз разговор зашел о технологии привлечения внимания интересной женщины.

Мало-помалу верящих в эффективность психологических приемов в обольщении становилось всё меньше, и вскоре остался только Костя, который был абсолютно в этом убежден. И тогда кто-то предложил:

– Если ты так уверен в своей теории, докажи её на практике! Вон там, видишь, красивая девица, обольсти её ну или, на худой конец, хотя бы просто познакомься.

Неподалеку от того места, где обычно располагалась их компания, лениво и величественно, словно львица после кровавой трапезы, возлежала девушка в весьма откровенном белом купальнике, который выразительно подчеркивал все достоинства её великолепной фигуры. Она снисходительно взирала на мужчин, пожиравших её жадными взглядами. Девушка была царственно красивой и вызывающе сексуальной. И вот эту царицу Семирамиду – посланницу богов – предстояло обольстить Константину. Безумие! Ну что ж, была не была! В конце концов, он психолог, а она... она просто девушка.

– Ну что ж, смотрите и учитесь! – Константин встал и решительно направился к ничего не подозревающему объекту эксперимента.

На его счастье, в этот момент девушка, которая к этому времени успела расположиться на топчане, достала сигарету и собиралась закурить. Однако у неё это никак не получалось – зажигалка не срабатывала. После нескольких тщетных попыток девушка с досадой отбросила её в сторону и обратилась за помощью к проходящему мимо мужчине. Но тот только развел руками. Красавица стала озираться по сторонам в поисках кого-нибудь из курящих. Увидев это, Костя ускорил шаг и, оказавшись возле неё, выхватил из кармана зажигалку и, щелкнув ею, протянул девушке.

– Такая девушка, как вы, не может, просто не имеет права просить! Вы созданы для того, чтобы мужчины выстраива-

лись в очередь, наперебой предлагая вам свои услуги.

– Это как? – заинтересовалась красавица.

– Да очень просто! Вам следовало взять сигарету и просто держать её в руке, сидя с отрешенным видом, – и уже через минуту здесь бы образовалась очередь из желающих вам угодить!

– Вы так думаете? – с сомнением в голосе спросила она.

– Я в этом абсолютно уверен, и вы можете сами убедиться в том, что это работает безотказно. Правда, прямо сейчас этого делать не следует: мой галантный поступок уже отложился в зрительной памяти глазающих на нас мужчин, и в этой сцене они себя не увидели, а потому, согласно стереотипу, будут ждать участия других. Но завтра, когда мизансцена изменится, можем провести эксперимент. Ну как, вы согласны?

– Да, интересно, что из этого выйдет!

– Ну вот и славно! Завтра, если не возражаете, проверим силу ваших чар. Кстати, как вас зовут? Экспериментаторы обычно обращаются друг к другу по имени...

– Инесса, – ответила она. – Ой, нет, Валя.

– Так Валя или Инесса?

– Валя, Валентина. А Инесса, – замялась она, – это я так иногда представляюсь шутки ради.

– Очень приятно, а меня Константин, для друзей просто Костя. Итак, Валя, до завтра?

Когда на следующий день Костя пришёл на пляж, девушка

уже была там. Он подошел к ней и сел рядом.

– Здравствуйте, прекрасная Валентина! Ну что, готовы к эксперименту? – спросил он. – Сейчас я отойду, а вы минут через пятнадцать-двадцать возьмите сигарету и с меланхоличным видом устремите взор вдаль. Только умоляю вас: не обращайтесь ни к кому с просьбой дать прикурить. Уверяю: ждать придется совсем недолго.

Эксперимент прошел на ура. Сразу трое мужчин кинулись к девушке и защелкали зажигалками.

– Как тебе это удалось? – удивленно спросила Валентина возвратившегося к ней Костю.

– Вовсе не мне – тебе! Это ты – та, которую, возможно, в себе и не подозревала.

Они легко перешли на «ты», словно были давно знакомы. Весь остаток дня молодые люди провели вместе. купались, ужинали в шашлычной, и он рассказывал ей о писателях и поэтах, некогда бывавших в этих местах, об индуизме и биоэнергетической сущности всего живого, читал стихи, а она внимательно слушала его и с наивным детским восторгом всё повторяла: «Какой ты умный!»

Костя проводил Валентину до гостиницы, и они уже стали прощаться, как вдруг она попросила:

– Не мог бы ты завтра прийти пораньше? Я ведь через три дня уезжаю, а мне так много надо рассказать тебе...

Когда утром, сбежав с занятий, Костя пришёл на пляж, Валентина уже была там. Увидев его, она вскочила и подбе-

жала к нему.

– Я всю ночь не спала, ждала встречи с тобой! – схватив молодого человека за руки и заглядывая ему в глаза, прошептала девушка. – Пожалуйста, пойдем куда-нибудь туда, где не так многолюдно, – я хочу кое-что тебе рассказать.

Им удалось довольно быстро найти небольшую скамейку, скрытую кустами жасмина.

– Ты знаешь, со мной никто и никогда не разговаривал так, как ты, – явно волнуясь, начала Валентина. – С тобой я чувствую себя так легко и свободно, будто мы знакомы сто лет... Как жаль, что мы не встретились раньше! После общения с тобой я стала воспринимать себя и свою жизнь совсем иначе! Просто с самого раннего детства судьба не гладила меня по головке... – горько усмехнулась девушка.

И она поведала трагическую историю своей жизни.

Валя родилась в маленьком украинском городке. Её отец был горьким пьяницей, а напившись, зверски избивал их с матерью. Когда она училась в первом классе, женщина, не выдержав издевательств и бесконечных побоев, как-то ночью собрала вещи, и они уехали к родственникам в Днепропетровск. Там её мать вскоре познакомилась с мужчиной, который показался ей весёлым и ласковым. Он предложил ей с дочерью переехать к нему, и, поскольку у них не было ни жилья, ни средств к существованию, женщина, недолго думая, согласилась. Это решение стало для Вали роковым. Мужчина оказался педофилом – он сразу принялся приставать к Ва-

ле, а затем изнасиловал её и продолжал это делать постоянно на протяжении многих лет с молчаливого попустительства матери, которая делала вид, что ничего не происходит.

Когда Валентина собиралась на выпускной вечер, отчим, не в силах совладать с похотью, разорвал на ней нарядное платье, схватил за волосы и, поставив перед собой на колени, принудил заняться оральным сексом, приговаривая:

– Теперь ты взрослая, теперь тебе всё можно.

Мать, которая тоже собиралась пойти с дочерью на выпускной, сначала отрешенно наблюдала за этой сценой, а потом взяла топор и зарубила насильника. Её посадили. На суде, где народу было не меньше, чем на концерте заезжей звезды, женщину без конца спрашивали:

– А когда это началось? А как часто это происходило? А почему вы не обращались в милицию?

После случившегося оставаться в Днепропетровске было невозможно, и Валя уехала в Киев, где прямо на вокзале её вычислил сутенер. С её данными она скоро стала дорогой валютной проституткой.

– Мне двадцать два года, у меня много денег, шикарная квартира, уйма клиентов и ни одной родной души – профессия не позволяет, – горько усмехнулась Валентина. – Знаешь, ты первый человек, которому я решилась рассказать свою историю. Ты дал мне понять, что я заслуживаю большего, и я тебе верю. Один умный человек сказал: «Никогда не поздно начать жизнь сначала, даже за день до смерти».

Для меня этот день настал, и не потому, что ты мне что-то открыл, нет, ты подошел ко мне, улыбнулся и сказал: «Ты другая». И я поняла, что родилась вновь здесь, теперь, рядом с тобой и, может быть, от тебя. Да-да – от тебя. Ты – мой спаситель!

В день отъезда Валентина попросила проводить её. Едва они вошли к ней в номер, она обняла его и стала нежно целовать в глаза, губы, шею. Константин знал многих женщин, но таких горячих губ не было ни у одной из них. Они сплелись в объятиях и произошло неизбежное... Им было хорошо вместе, но оба понимали, что расстаются навсегда и вряд ли когда-нибудь встретятся. И от этого им было грустно, но грусть эта была легкой и светлой.

Однажды, годы спустя, в университет на имя Константина Константиновича пришло письмо.

Как было принято в то время, в канцелярии его вскрыли, сделали с него ксерокопию, а оригинал, аккуратно прикрепленный к конверту скрепкой, отправили на кафедру, где оно и пролежало несколько дней, прежде чем попасть к адресату. Любопытная лаборантка прочитала письмо и тайно поделилась его содержанием с сотрудниками. Сентиментальные женщины кафедры читали письмо, обливаясь слезами.

Вот что было в письме:

«Милый, нежный, дорогой мой СПАСИТЕЛЬ, когда мы не

расстались с тобой, я ведь не расстаюсь с тобой ни на минуту, я сделала всё так, как ты велел.

Поступила на университетские подготовительные курсы и буквально вырвалась из прошлой жизни. Не думала, что будет так тяжело. Оказывается, за мой счет кормилось множество людей и все они что-то потеряли с моим уходом из «профессии». Меня умоляли, мне угрожали, меня избивали, поджигали квартиру, но я выстояла.

Я так боялась не поступить в университет и тем самым, как мне казалось, подвести... нет, предать тебя, что занималась днем и ночью, поэтому не исполнила другого твоего предписания – не устроилась на работу. Благо мое жалкое существование в детстве и страх перед нищетой приучили меня откладывать деньги на чёрный день. Спасительный инстинкт самосохранения! На курсах я обрела друзей, которые открыли для меня Киев с его древней историей и культурой. Я изо всех сил старалась понравиться тебе и каждый день открывала для себя что-то новое.

На вступительных экзаменах я блистала, пересыпая, как ты меня учил, свои ответы информацией из истории, искусства и литературы. По всем предметам получила пятерки и поступила в университет на факультет социологии. Учеба мне давалась удивительно легко. Так легко, что, извини за нескромность, меня уже на первом курсе представили к повышенной стипендии. Потом я написала тебе очередное письмо, в котором, следуя твоим наставлениям, оце-

нила свои успехи, закрепила в своем сознании шаги к их достижению, проанализировала допущенные ошибки, наметила способы их устранения и ещё раз насладились своей положительной самооценкой.

Если честно, мне долго не удавалось работать над собой так, как ты учил. «А зачем? Хвастовство всё это!» – думала я, но всё же продолжала действовать по разработанному тобой плану и решила рассказывать о своих успехах и неудачах в письмах. И, о чудо! Поскольку мне хотелось общаться с тобой постоянно, мне нужен был повод написать тебе, а им могли быть только мои достижения. И чем больше их было, тем увесистее становилась пачка писем в отведенном для них ящике – ведь я их никогда не отправляла...

Но всё рухнуло в одночасье. Поступив в университет, я решила ни с кем не вступать в близкие отношения до его окончания. Разумеется, я дружила со многими ребятами, но если кто-то пытался сблизиться со мной, говорила, что у меня есть парень, он военный и служит на Дальнем Востоке. К этому относились уважительно до тех пор, пока один назойливый ухажер каким-то образом не узнал о моем прошлом. Он предъявил ультиматум: либо я его обслуживаю где и когда он пожелает, либо все узнают, что я была проституткой. И поскольку этот гаденыш был незамедлительно очень далеко послан, он выполнил свою угрозу. Однокурсницы объявили мне бойкот, гнусные предложения сыпались со всех сторон, мне постоянно подсовывали в

сумку скабрёзные записки. И когда одна преподавательница при всех заявила, что отказывается принимать экзамен, как она выразилась, «у путаны», мне стало так нестерпимо больно, что я решила покончить с собой. Вернувшись домой, без колебаний привязала к люстре веревку, проверила её на прочность, сунула голову в петлю и оттолкнула стул.

Крюк не выдержал, и вместе с люстрой я грохнулась на пол. Показалось, что какое-то время, доли секунды, меня не было на этом свете, но не было и на том. А там была холодная немая пустота. И тогда я здорово на себя разозлилась: разве для того у меня не было детства, разве для того я терпела столько унижений, разве для того я встретила тебя и предприняла невероятные усилия для собственного перерождения, чтобы так легко сдаться из-за каких-то жалких подонков? Нет, ни за что! Им меня не сломить, я добьюсь своей цели и проживу свою жизнь так, как я этого хочу. Я выстою, и никакая мразь не столкнет меня вниз, в прошлое.

Я переехала в Харьков и перевелась в местный университет. По его окончании меня оставляли в аспирантуре, но я решила больше не искушать судьбу и уехать как можно дальше. Так я оказалась в Новосибирске. Работаю здесь в НИИ социологом, защитилась, заведую сектором. Вышла замуж за хорошего, надежного человека. Он значительно старше меня, известный ученый, физик-ядерщик. У нас растёт сын Костя, ему уже пять лет. Я очень хочу, чтобы он

был похож на тебя, и каждый вечер рассказываю ему сказку о том, как одна бедная девочка попала в беду, а добрый и смелый мальчик спас её. В последнее время вторую часть сказки он придумывает сам.

Недавно я была на конференции в Петербурге, выступала там с докладом. Похоже, вполне успешно. Жаль, что ты его не слышал, — думаю, ты бы гордился мной.

Была у тебя на работе, даже узнала твой адрес и телефон, но на встречу всё же не решилась. Нет-нет, я жадно и даже страстно этого хочу, но боюсь, что, если мы встретимся, снова влюблюсь в тебя, и это будет любовь уже другой, чистой женщины, которая не сможет позволить себе любить сразу двух мужчин, и тогда мне придется уйти от достойного человека. Я никогда не рассказывала мужу о своей прошлой жизни, да и для меня её теперь не существует. Моя жизнь началась после встречи с тобой. **ТЫ мой СПАСИТЕЛЬ!**

Р. С. На конверте нет обратного адреса. Думаю, так будет лучше.

Спасённая тобой Валентина».

Александр и Май

Часть I. Александр

В этот жаркий экваториальный вечер быстро стемнело.

Чёрное небо, усыпанное яркими звёздами, казалось бархатным полотном, на котором ювелир рассыпал сверкающие бриллианты. От нагретой за день земли поднимались волны тепла, и даже лёгкий морской бриз был не в силах освежить раскалённый воздух на тайском острове Пхукет.

Пожилой мужчина моложавого вида прогуливался по морской набережной. Уже несколько раз его останавливали экзотические тайки, предлагая свою любовь и ласку. Три дня одиночества угнетали, делали отдых безвкусным, и он стал задумываться над тем, как бы юная дева могла скрасить его мрачное уединение, и как бы он мог в полной мере насладиться каждым мгновением отдыха в этом райском уголке, благословлённом создателем. Но здравый смысл вопрошал: «Тебе это надо? Ты порядочный человек, вдовец, старик в конце концов. Познакомишься дома с достойной женщиной, а то, не дай бог, на склоне лет подцепишь какую-нибудь неприличную болезнь... Тоже мне мачо нашёлся, две недели ему без секса не прожить, больше года ведь обходился. Не вздумай поддаваться похоти, не пристало в твои годы, успокойся и просто наслаждайся ласковым солнцем, тёплым морем... Ну о чём ещё может мечтать мужчина, которому за семьдесят?»

«Какие ещё годы?! Да ты на восьмом десятке дашь фору многим молодым. Давай, ты же хочешь! – вкрадчиво нашёптывало ему потаённое «Я», которое не раз толкало его на разного рода безумства. – Сделай это! Имеешь полное пра-

во: в конце концов, ты вдовец, траур соблюдал как положено... Когда-то ведь всё равно начнёшь, а здесь такой шанс!.. Не воспользуешься им и будешь потом жалеть всю оставшуюся жизнь. Да и отправился ты в такую даль, скорее всего, в последний раз.

Ну хватит уже страдать, столь длительное воздержание – это же пытка для человека с фонтанирующим тестостероном. Пока ты работал, твоя эротическая энергия сублимировалась в трудовые рекорды, а теперь, на пенсии, для восторгов, полученных от дачного урожая, её чересчур много. Смотри, сколько хорошеньких таек жаждут твоего внимания. Бери и получай от жизни удовольствие. В конце концов, сделай это из гуманных соображений: благодаря тебе какая-то девушка не ляжет сегодня спать голодной. Ну, давай!

Нет-нет, на блудливый Патонг не поедем, слишком хлопотно для твоего возраста. Помнишь, когда вы с женой прогуливались по Карону, в глубине острова ты заметил бильярдные, где обитают местные проститутки? Вперед, это совсем рядом. Да не переусердствуй, поднимаясь в гору, силы тебе ещё понадобятся!»

Ноги сами привели его к питейному заведению с бильярдными столами, где у барной стойки мужчины, окружённые местными путанами, лениво потягивали коктейли.

Едва он переступил порог бара, как несколько девиц бро-

сились к нему и стали назойливо демонстрировать свои прелести.

– «Ну нет, этот притон точно не для меня!» – брезгливо поморщился он и совсем было собрался уходить, как в глубине зала заметил юную девушку, в одиночестве сидящую за столиком. Её встревоженный вид выдавал в ней начинающую «ночную бабочку». Она потягивала кокосовый напиток и, опустив голову, рассеянно, как-то по-детски виновато исподлбья наблюдая за происходящим, механически водила руками по столу, словно разглаживала помятую бумагу.

Всё ещё одолеваемый сомнениями он направился к ней. Вдогонку ему понеслись отчаянные ругательства жриц любви.

На его приветствие юная особа подняла голову. Мужчину поразили глаза девушки: взгляд незнакомки был совершенно пустым и безразличным, но какая-то скрытая внутренняя сила вызвала чудодейственный трепет. Это сочетание отрешённости и магической притягательности создавало неповторимое впечатление лунной таинственности и очарования.

Он сел за её столик и прямо спросил:

– Work?

– Yes, – ответила она.

Он взял салфетку и написал: «20–24 time = ? \$». Девушка молча вписала цифру пятьдесят.

Английский язык он никогда не изучал и обходился несколькими десятками самых необходимых слов, усвоен-

ных в заграничных поездках.

– How old are you? – спросил он. Ему совсем не улыбалась перспектива угодить в тайскую тюрьму за совращение несовершеннолетних.

– Twenty, – робко ответила девушка.

– Let's go, – сказал он и повёл её в отель.

В номере он принял душ и жестом предложил девушке сделать то же самое, но она резко вскинула голову и решительно потребовала:

– Money!

Он достал из кармана пятьдесят долларов и положил на столик. Тайка схватила деньги, быстрым движением сунула их в сумочку и, прижав её к груди, отправилась в ванную.

Ожидая девушку, он лёг на кровать и незаметно для себя задремал – казалось напряжение прошедшего дня. Очнулся он от звука шагов. Открыв глаза, увидел стоящую возле кровати совершенно обнажённую юную путану. Её точёная фигурка походила на скульптуру из золотисто-коричневого мрамора. Овальное личико обрамляли пряди длинных густых иссиня-чёрных волос, водопадом спускавшихся на плечи и спину. Не по-азиатски огромные, чёрные, как ночное южное небо, глаза окаймляли густые пушистые ресницы. Она неподвижно стояла перед ним, и стыдливая, едва уловимая улыбка скользила по её губам.

Он откинул простыню и сделал приглашающий жест.

Ночное небо расстелилось над землёй, освещая её бесчисленными сверкающими звёздами. Дневная жара, накрывшая остров, наконец, отступила, уступив место мягкому дыханию ночи. Пара вышла из номера и устроилась в уютном открытом ресторанчике на территории отеля. Лёгкий морской ветерок нежно скользил по коже, принося с собой свежесть и аромат солёного моря. Он, не заглядывая в меню, заказал подошедшему официанту свои любимые креветки в кляре и освежающий манговый фреш со льдом. Она же выбрала сразу несколько блюд.

– What is your name? – спросил мужчина.

– Май, – тихо ответила она.

Предполагая, что тайка не в состоянии будет произнести его полное имя, он представился Сашей.

– Саса? – переспросила девушка.

Он утвердительно кивнул, а она несколько раз нараспев повторила его имя с разными интонациями, словно пробуя на вкус. Это показалось ему забавным, и он рассмеялся, а она отозвалась звонким детским хихиканьем.

Принесли заказ, и Май набросилась на еду, с жадностью поглощая одно блюдо за другим.

«Как же, должно быть, бедняжка голодна, – подумал он, с жалостью глядя на девушку. – Это юное создание вынуж-

дено торговать своим телом, чтобы выжить в этом жестоком мире».

– Tomorrow, – сказал Александр, прощаясь, и показал восемь пальцев. В ответ она охотно закивала.

На следующий день ровно в восемь вечера в дверь номера постучали. На пороге с кроткой улыбкой стояла Май.

– Ні, – смущенно произнесла гостья.

Александр не мог не отметить редкую красоту и белизну её зубов, делавших улыбку Май неотразимой. Он жестом пригласил девушку войти, и она, змейкой проскользнув мимо него, исчезла в ванной.

Она долго там копошилась и наконец вышла, вся покрытая хлопьями пены. Перед ним стоял ангел с дьявольской искоркой в глазах. Май сняла с него халат и повела за собой. Над ванной возвышалось белоснежное облако. Они погрузились в мыльную пену, и лопающиеся воздушные пузырьки приятно защекотали их тела.

Май осторожно, как ребёнка, начала мыть Александра, едва касаясь его нежными ладошками. Эти ласковые прикосновения доставляли ему невероятное блаженство. Потом девушка перешла к точечному массажу. Её маленькие пальчики постукивали по телу мужчины, как упругие струйки тропического дождя, давая ему возможность полностью расслабиться.

После приёма пенной ванны Май уложила Александра на кровать и плавно заскользила по телу. Её движения походили на эротический танец, изящная природная пластика пробуждала в нем трепетное желание. Её жаркий внутренний огонь передавался ему, возбуждая неистовую страсть.

Пара вышла из отеля и сразу ощутила благословенную вечернюю прохладу. Серебристо-белая луна, россыпь ярких звезд, запах моря и аромат экзотичных цветов – всё это настроило Александра на романтический лад. Он с нежностью посмотрел на Май: она выглядела такой хрупкой и беззащитной, что ему захотелось тут же, немедленно, сделать для неё что-то хорошее, чем-то её порадовать.

Александр повёл Май на рынок и купил ей жемчужное ожерелье. Девушка ликовала, как ребёнок, она долго вертелась перед зеркалом, восторженно вскрикивая, и то и дело подбегала к нему, чтобы обнять и поцеловать, выражая таким образом свою благодарность. В соседней палатке Александр увидел шелковые халаты, расшитые яркими цветами, вокруг которых кружили колибри. Он купил один из них и вручил его Май.

Она накинула халат поверх своего легкого платья и закружилась перед своим благодетелем, что-то быстро и страстно лепеча. Глаза Май сияли, и счастливая улыбка не сходила с лица.

Александр с умилением смотрел на девушку. «Слова часто бывают лживыми, но эмоции подменить нельзя, – подумал он. – Сыграть можно, но при пристальном рассмотрении фальшь всегда обнаруживается». Эмоциональные всплески Май были красноречивы и понятны без слов. Не в силах совладать с переполнявшими его чувствами, он крепко обнял её и поцеловал.

В свете уличных фонарей кружились ночные бабочки. Они бились о стекло, стремясь к свету. Вот так и Май пыталась пробиться к благополучию...

На следующий день Александр пригласил девушку на шоу «Сиам Нирамит». Перед представлением он повёл её в этнографический парк: они поплавали на лодке по искусственному озеру, покатались на слоне и наведались в одну из деревенских хижин. И вот здесь Май пришла в страшное возбуждение: она начала дёргать Александра за рукав и со слезами на глазах что-то сбивчиво и горячо ему рассказывать. С большим трудом он понял, что именно в такой лачуге на севере страны девушка провела детство.

На ярком захватывающем представлении «Волшебное путешествие в королевство Сиам» Май вела себя совершенно по-детски. Фантастические спецэффекты, имитирующие грозу, вызывали у неё восторг. Девушка трясла Александра за плечо и указывала пальцем то на мифических существ,

стремительно пролетающих над зачарованными зрителями, то на потоки дождя и молнии, блещущие на сцене. Её реакция на происходящее была непосредственной, а потому трогательной. Александр улыбался, наблюдая за ней, и чувствовал себя счастливым оттого, что смог подарить ей такой замечательный вечер.

В отель вернулись ближе к полуночи, и мужчина предложил Май остаться на ночь. В ответ она молча кивнула головой и благодарно улыбнулась.

Девушка стояла перед Александром, и на её губах играла застенчивая улыбка, а в глазах мерцали лукавые искорки. В голубом шелковом халате, расписанном ярко-красными цветами и перехваченном золотистым поясом, она походила на принцессу из восточной сказки.

Май выскользнула из своего облачения и с грациозностью пантеры юркнула под одеяло. Её кошачья пластика разожгла в нем страсть. Александр нежно коснулся губами её пахнувшей морем груди, которая в ответ напряглась, и Май издала некоторое подобие эротического стога. «Профессиональная имитация страсти, – подумал он, – впрочем, нет, тело тоже отреагировало, а это уже не подвластно игре, это истинное отношение к происходящему, значит я волную её». Он осыпал её поцелуями и стал ласково массировать нежное тело. Жаркие прикосновения подушечек пальцев возбуждали мо-

лодую плоть. Её кожа оживала, дышала и отзывалась на ласку.

Вдруг его взгляд упал на свою руку. Он удивился контрасту: на фоне атласной спины Май старческая ладонь выглядела безобразно.

Человек может долго сохранять моложавый вид, поддерживать форму, занимаясь спортом и ухаживая за кожей, но руки, как паспортные данные, предательски выдают возраст. Руки Александра были руками старого человека, хотя он и чувствовал себя тридцатилетним.

Нет, он не бегал вприпрыжку, как ребёнок, не хвастался ловкостью, как подросток, не бравировал силой, как юноша... Но у него стройное подтянутое тело и легкая упругая походка. Он любит жизнь и ценит каждое её мгновение. Да, он из тех, для кого стакан всегда наполовину полон! И не важно, сколько ему осталось, важно, как он распорядится отпущенным ему временем.

Луна освещала номер бледно-желтым светом, отчего всё вокруг казалось призрачным, потусторонним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.